9(с)1
В991
Вяземский, П
Помин
Бород

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

1805 по 25/V 67

Колич. предыд. выдач_____

Тип. «Московский большевик». З. 4414.

ЭК
9(с)1
В-991

ПОМИНКИ

по

БОРОДИНСКОЙ БИТВѢ

и

ВОСПОМИНАНІЯ

о

1812 ГОДѢ.

Князя П. А. Вяземскаго.

МОСКВА.
Типографія Грачева и Комп. у Пречистен. вор. д. Шиловой.
1869.

Междубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

9(С)15

Дозволено цензурой. Москва 9 Декабря 1868 года.

ПОМИНКИ

ПО

БОРОДИНСКОЙ БИТВѢ.

ПОМИНКИ

по

БОРОДИНСКОЙ БИТВѢ.

посвящается

Дмитрію Гавриловичу Бибикову.

I.

Милорадовича помню
Въ битвѣ при Бородинѣ:
Былъ онъ въ шляпѣ безъ султана
На гнѣдомъ своемъ конѣ.

Бодро онъ и храднокровно
Велъ полки въ кровавый бой:
Строй за строемъ густо, ровно
Выступалъ живой стѣной.

Только подошли мы ближе
Къ средоточію огня,
Взвизгнуло ядро и пало
Передъ нимъ, къ ногамъ коня,
И сердито землю роя
Адскимъ огненнымъ волчкомъ,
Не затронуло героя,
Но осыпало пескомъ.

2

„Богъ мой!“ онъ сказалъ съ улыбкой,
Указавъ на вражью рать:
„Насъ завидѣлъ непріятель
„И спѣшитъ намъ честь отдать.“

II.

И Кутузовъ предо мной,
Вспомню-ль о Бородинѣ:
Онъ и въ бѣлой былъ фуражкѣ,
И на бѣломъ былъ конѣ.

Чрезъ плечо повязанъ шарфомъ,
Онъ стоитъ на высотѣ,
И надъ старцемъ блещетъ ярко
День въ осенней красотѣ.

Старца бодрый видъ воинственъ.
Онъ средъ полчищъ одинокъ,
Онъ безстрастенъ, онъ таинственъ,
Онъ властителенъ, какъ рокъ.

На челѣ его маститомъ,
Пролетѣвшею насквозь
Смертью разъ уже пробитомъ,
Пламя юное зажглось—

Пламя думъ, грозой созрѣвшихъ,
Въ битвѣ закаленныхъ думъ.
Онъ ихъ молча вопрошаетъ
Сквозь пальбу, огонь и шумъ.

Мыслью онъ паритъ надъ битвой,
И его орлиный взглядъ
Движетъ волею и силой
Человѣческихъ громадъ.

А его молніеносцы
Ждутъ внимательно кругомъ,
Чтобъ, по слову полководца,
Зарядить крылатый громъ.

Отъ вождя, къ вождю обратно
Мчатся быстрые гонцы,
Но иного безвозвратно
Смерть хватаетъ на-лету!

Противъ насъ дружины—ужасъ
Завоеванныхъ земель,
Записавшія побѣду
Съ давнихъ лѣтъ въ свою артель;

Славой блещущія лица,
И—въ главѣ ихъ—вождь побѣдъ,
Гордымъ солнцемъ Аустерлица
Загорѣвшее лицо.

Но блѣднѣетъ это солнце
И течетъ на западъ свой:
А взойдетъ другое солнце
Надъ пылающей Москвой.

И впервыя въ грудь счастливца
Недовѣрья хладъ проникъ:
Такъ съ учителемъ заспорилъ
Сѣдовласый ученикъ.

Къ острову святой Елены
Здѣсь проложенъ первый шагъ,
И Кремля святыя стѣны
Въ казнь себѣ усвоитъ врагъ.

День насталъ! Мы ждали битвы,
Всѣ возрадовались ей;

Шли давно о ней молитвы
Пріунывшихъ усачей.

И, на пиръ веселый словно,
Каждый радостно летитъ:
Будь у каждаго три жизни,
Онъ всѣхъ трехъ не пощадитъ.

Никогда еще въ подлунной
Не кипѣлъ столь страшный бой:
Изъ орудій адъ чугунный
Разразившись поднялъ вой;

Цѣлый день не умолкаетъ,
Извергая смерть кругомъ:
Строй за строемъ исчезаетъ
Подъ убійственнымъ огнемъ.

Но пылаютъ мщенья гнѣвомъ,
Снова свѣжіе ряды:
Свѣжей кровью и посѣвомъ
Смерть плодитъ свои бразды.

Словно два бойца во злобѣ,
Набѣжала рать на рать:
Грудью въ грудь вломились обѣ,
Чтобъ противника попрать.

Но побѣда обоюдно
То дается намъ, то имъ:
Въ этотъ день рѣшить-бы трудно,
Кто изъ двухъ непобѣдимъ.

Крѣпнетъ боевая вьюга,
Все сильнѣй растетъ она:
И вцѣпившихся другъ въ другъ
Разнимаетъ ночь одна.

6

Грозный день сей Бородинской
Имъ и намъ въ почетъ равно:
Славься *битвой исполинской*,
Славься ввѣкъ, Бородино!

III.

Головешкой въ этомъ адѣ
Кто-бы могъ признать меня?
Я-ль въ воинственномъ нарядѣ,
Всадникъ борзаго коня?

Полно, я-ли? вотъ задача!
На себя гляжу-ль во снѣ?
Мой двойникъ, меня дурача,
Не мерещится-ли мнѣ?

Нѣтъ, нагрянула невзгода,
И я—баричъ и Москвичъ—
Я услышалъ гласъ народа,
Божій гласъ и Царскій кличъ.

Полно шляндать по бульвару
И по Прѣсненскимъ прудамъ,
И—Макарову подъ пару—
Быть поэтомъ *милыхъ дамъ*.

Рѣмы прочь, и перья въ папку,
И долой мой модный фракъ:
Я надѣлъ медвѣжью шапку,
Я Мамоновскій казакъ;

Я съ приволья прямо въ сѣчу,
Съ лона нѣги молодой
Прямо ядрамъ я на-встрѣчу,
Прямо въ Бородинскій бой!

Но мундиръ мой небывалый,
Но медвѣжій мой нарядъ—
Хоть красивый, ходь удалый,—
Чуть не вышли мнѣ въ-накладъ.

Князь *Московскій* смотритъ *Принцемъ*,
И Донецъ на всемъ скаку
Мчится съ роковымъ гостинцемъ
Къ самозванцу-козаку. *)

Но вступилось Провидѣнье,
И тутъ кто-то въ добрый часъ
Объяснилъ недоумѣнье
И меня отъ смерти спасъ.

Чтобъ избѣгнуть доли тяжкой,
Кивеpъ я съ себя сорвалъ:
Тутъ же форменной фуражкой
Жизнь свою застраховалъ.

Мнѣ фуражку далъ Валуевъ.
Гдѣ-жъ красавецъ боевой?
Женскихъ клятвъ и поцѣлуевъ,
Женскихъ слезъ кумиръ младой?

Гдѣ-же онъ—веселой рѣчью,
Радость дружескихъ пировъ,
Витязь смѣлый подъ картечью
Всѣхъ красавицъ, всѣхъ враговъ?

Новобранца наградилъ онъ
Талисманомъ въ день борьбы,
Но себя не оградилъ онъ
Отъ таившейся судьбы.

---

*) См. ниже на стр. 43 и 44 разсказъ автора о Бородинской битвѣ.

Между ядеръ пролетѣло
Развѣ нѣсколько минутъ,
Въ немъ ужъ сердце онѣмѣло,
И огонь его задутъ.

Окровавленный онъ сброшенъ
Съ опустѣвшаго сѣдла;
Лавръ и миртъ внезапно скошенъ,
Жизнь внезапно отцвѣла.

Ужъ давно молва забыла,
Что онъ жилъ, что былъ убитъ:
Безъимянная могила
Неизвѣстный прахъ таитъ.

Кто отъищетъ въ полѣ битвы,
Смертью вспаханномъ кругомъ,
Мѣсто, гдѣ слезу молитвы
И любви пролить о немъ?

Нива смерти жизнью свѣжей
Равнодушно заросла,
И все глуше и все рѣже
Вѣсть про старыя дѣла.

Но твой образъ, витязь юный,
Возстаетъ передо мной,
И созвучьемъ сердца струны
Окликаются съ тобой.

Въ темномъ царствѣ смерти злобной
Тѣнь твою я отъискалъ:
Будь-мой стихъ тебѣ надгробной,
Гдѣ-бы прахъ твой ни лежалъ!

IV.

И тебя-ль сердечнымъ словомъ
Вѣрный стихъ мой обойдетъ?
Ты мнѣ также былъ покровомъ,
Мой старинный доброхотъ!

Бородинскій сослуживецъ,
Нашъ безрукій ветеранъ,
Ты—отмѣченный счастливецъ
Блескомъ почестей и ранъ.

Дружно за кровавой чашей
Побратались мы давно,
И въ преданьяхъ дружбы нашей
Врѣзалось: „Бородино“.

Этотъ день, гдѣ двѣ державы,
Двѣ судьбы сошлись въ борьбѣ—
Скрѣпой крови, скрѣпой славы
Росписался на тебѣ.

Бородинскою грозою
Изувѣченный боецъ,
Уцѣлѣвшею рукою
Ты схватилъ себѣ вѣнецъ.

За отчизну раны святы:
И счастливъ, кто съ юныхъ дней
Подвигъ, въ жертву ей подъятый,
Окрестилъ въ крови своей.

Помнишь, какъ средь перепалки
Пуль и ядеръ хлынулъ дождь?
А Суворовской закалки
Милорадовичъ, нашъ вождь,

Подъ картечью былъ, какъ дома,
Иль съ красавицей вдвоемъ:
Такъ давно ему знакома
Встрѣча съ пулей и ядромъ!

Ты, обстрѣленная пташка,
Тутъ порхалъ, головорѣзъ!
Я-жъ, смиренная букашка,
Самъ дивлюсь, какъ къ вамъ залѣзъ.

Подъ огнемъ неугомоннымъ
И мой конь не уцѣлѣлъ:
„Пѣшій не товарищъ конным̀ъ“,
Молвилъ я—и на́-мель сѣлъ.

Ты, съ заботливостью брата,
Тутъ-же выручилъ меня:
Что̀ въ бою дороже злата,
Ты въ-займы мнѣ далъ коня.

Былъ и тотъ не долговѣченъ,
И какъ-разъ ядромъ однимъ
Былъ Бахметевъ въ ногу встрѣченъ;
Конь мой палъ, и я подъ нимъ.

Тѣмъ покончился смиренно
Мой воинственный походъ!
Но въ преданьяхъ незабвенно
Святъ двѣнадцатый мнѣ годъ.

Съ той поры умчало время
Много лицъ, событій лѣтъ;

Разрослось другое племя,
И чего не видѣлъ свѣтъ!

Но въ полетѣ быстрокрыломъ
Время избранныхъ щадитъ:
Бородинскимъ, юнымъ пыломъ
Грудь твоя еще горитъ.

Въ день борьбы за Русь святую
Ты руки не пощадилъ,
А въ дни мира ей другую
Гражданиномъ посвятилъ.

И къ отчизнѣ и къ престолу
Снова возгорѣвъ огнемъ,
Вѣрный совѣсти глаголу,
Шелъ ты съ ней ея путемъ.

Людямъ свойственны ошибки:
Ошибаться могъ и ты,
Но ты не былъ флюгеръ гибкій
У вертлявой суеты.

Часто, и съ двумя руками,
Мѣстъ и почестей ловецъ
Не сведетъ концовъ съ концами,
Обезсиленный дѣлецъ.

Разъ принявшися за дѣло,
Не боялся ты трудовъ
И одной рукой смѣло
Съ зломъ бороться былъ готовъ.

У иныхъ—примѣръ не новый—
„Двѣ огромныя руки“ *)
На себя служить готовы,
И проворны, и легки;

*) Стихъ въ балладѣ Жуковскаго„ Адельстанъ“.

А на выручку страдальца,
Если въ помощь ихъ зовешь,
Не найдешь живаго пальца,
Полмизинца не найдешь.

Цѣлый міръ имъ будь поставщикъ;
А радѣть-ли о другомъ—
Каждый пальчикъ и суставчикъ
Въ нихъ разбитъ параличомъ.

Если-жъ гдѣ тобой замѣченъ
Случай пользѣ дань принесть—
Позабывъ, что ты увѣченъ,
Помнишь ты, что совѣсть есть.

А когда сведешь съ кѣмъ дружбу,
Съ другомъ связь твоя крѣпка:
И на дружбу и на службу
Горяча твоя рука.

ВОСПОМИНАНІЯ

о

1812 ГОДѢ.

ВОСПОМИНАНІЯ

о

1812 ГОДѢ.

Написанное мною стихотвореніе: „Пожинки на Бородинской битвѣ“ дало мнѣ мысль перебрать въ головѣ моей все, что сохранилось въ ней изъ воспоминаній о томъ времени. 1812 годъ останется навсегда знаменательною эпохою въ нашей народной жизни. Равно знаменательна она и въ частной жизни того кто прошелъ сквозь нее и ее пережилъ. Предлагаю здѣсь скромные и старые пожитки памяти моей.

191768

I.

Пріѣздъ Императора Александра I въ Москву изъ арміи 12 іюля 1812 года былъ событіемъ незабвеннымъ и принадлежитъ исторіи. До сего война, хотя и ворвавшаяся въ нѣдра Россіи, казалась вообще войною обыкновенною, похожею на прежнія войны, къ которымъ вынуждало насъ честолюбіе Наполеона Никто въ московскомъ обществѣ порядочно не изъяснялъ себѣ причины и необходимости этой войны; тѣмъ болѣе никто не могъ предвидѣть ея исхода. Только позднѣе мысль о мирѣ сдѣлать недоступною русскому народному чувству. Въ

[illegible]

началѣ войны встрѣчались въ обществѣ ея сторонники, но встрѣчались и противники. Можно сказать вообще, что мнѣніе большинства не было ни сильно потрясено, ни напугано этою войною, которая таинственно скрывала въ себѣ и тѣ событія и тѣ историческія судьбы, которыми послѣ ознаменовала она себя. Въ обществахъ и въ англійскомъ клубѣ (говорю только о Москвѣ, въ которой я жилъ) были, разумѣется, разсужденія, пренія, толки, споры о томъ, что происходило, о нашихъ стычкахъ съ непріятелемъ, о постоянномъ отступленіи нашихъ войскъ во внутрь Россіи. Но все это не выходило изъ круга обыкновенныхъ разговоровъ, въ виду подобныхъ-же обстоятельствъ. Встрѣчались даже и такіе люди, которые не хотѣли или не умѣли, признавать важность того, что совершалось почти въ ихъ глазахъ. Помнится мнѣ, что на успокоительныя рѣчи такихъ господъ одинъ молодой человѣкъ—кажется, Мацневъ—забавно отвѣчалъ обыкновенно стихомъ Дмитріева:

„Но какъ ни разсуждай, а Миловзоръ ужъ тамъ“. [1])

Но никто, и, вѣроятно, самъ Мацневъ не предвидѣлъ, что этотъ Мило-

[1]) Изъ „Модной Жены“.

взоръ-Наполеонъ скоро будетъ *тутъ*, то-есть въ Москвѣ. Мысль о сдачѣ Москвы не входила тогда никому въ голову, никому въ сердце. Ясное понятіе о настоящемъ рѣдко бываетъ удѣломъ нашимъ: тутъ ясновидѣнью много препятствуютъ чувства, привычки, то излишнія опасенія, то непомѣрная самонадѣянность. Не одинъ Русскій, но вообще и каждый человѣкъ, крѣпокъ задпимъ умомъ. Пора дѣйствія и волненій не есть пора суда. Въ то время равно могли быть правы и тѣ, которые желали войны, и тѣ, которые ея опасались. Окончательный исходъ и опытъ утвердили торжество за первыми. Но можно-ли было, по здравому разсудку и по строгому исчисленію вѣроятностей, положительно предвидѣть подобное торжество?—это другой вопросъ.

Съ пріѣзда Государя въ Москву, война приняла характеръ войны народной. Всѣ колебанія, всѣ недоумѣнія исчезли; все, такъ-сказать, отвердѣло, закалилось и одушевилось въ одномъ убѣжденьи, въ одномъ святомъ чувствѣ, что надобно защищать Россію и спасти ее отъ вторженія непріятеля. Уже до появленія Государя въ собраніе Дворянства и Купечества, созванное въ Слободскомъ Дворцѣ [2]) все было рѣшено, все было готово, чтобы на

[2]) Нынѣ Ремесленное Учебное Заведеніе

дѣлѣ оправдать вѣру Царя въ великодушное и неограниченное самопожертвованіе народа въ день опасности. На вызовъ Его единогласнымъ и единодушнымъ отвѣтомъ было—принести на пользу Отечества поголовно имущество свое и себя. Настала торжественная минута. Государь явился въ Слободской Дворецъ предъ собраніемъ. Наружность Его была всегда обаятельна. Тутъ Онъ былъ величаво-спокоенъ, но видимо-озабоченъ. Въ выраженіи лица Его обыкновенно было замѣтно, и при улыбкѣ, что-то задумчивое на челѣ. Это отличительное выраженіе мѣтко схвачено Торвальдсеномъ въ извѣстномъ бюстѣ Государя. Но на сей разъ сочувственная и всегда привѣтливая улыбка не озаряла лица Его; только на челѣ Его темнѣлось привычное облачко. Въ краткихъ и ясныхъ словахъ Государь опредѣлилъ положеніе Россіи, опасность, ей угрожающую, и надежду на содѣйствіе и бодрое мужество своего народа. Послѣдствія и приведеніе въ дѣйствіе мѣръ, утвержденныхъ въ этотъ день, достаточно извѣстны, и мы на нихъ не остановимся. Главное вниманіе наше обращается на духовную и народную сторону этого событія, а не на вещественную. Оно было не мимолетной вспышкой возбужденнаго патріотизма, не всеподданнѣйшимъ угожденіемъ волѣ и требованіямъ Госу-

даря. Нѣтъ, это было проявленіе сознательнаго сочувствія между Государемъ и народомъ. Оно во всей своей силѣ и развитости продолжалось не только до изгнанія непріятеля изъ Россіи, но и до самаго окончанія войны, уже перенесенной далеко за родной рубежъ. Съ каждымъ шагомъ впередъ яснѣе обозначалась необходимость разсчесться и покончить съ Наполеономъ не только въ Россіи, но и гдѣ-бы онъ ни былъ. Первый шагъ на этомъ пути было вступленіе Александра въ Слободской Дворецъ. Тутъ невидимо, невѣдомо для самихъ дѣйствующихъ Провидѣніе начертало свой планъ: начало его было въ Слободскомъ Дворцѣ, а окончаніе въ Тюильерійскомъ.

Самое назначеніе предъ тѣмъ Графа Ростопчина Главнокомандующимъ въ Москву на мѣсто Фельдмаршала Гр. Гудовича, который былъ изнуренъ годами и, слѣдовательно, не достаточно бдителенъ и дѣятеленъ, было уже предвѣстникомъ новаго настроенія, новаго порядка. Ростопчинъ могъ быть иногда увлекаемъ страстною натурою своею, но на ту пору онъ былъ именно человѣкъ, соотвѣтствующій обстоятельствамъ. Наполеонъ это понялъ и почтилъ его личною ненавистью. Карамзинъ, поздравляя Гр. Ростопчина съ назначеніемъ его, говорилъ, что едва-ли не поздравляетъ

онъ *Калифа на часъ*; потому-что онъ одинъ изъ немногихъ предвидѣлъ паденіе Москвы, если война продолжится. Какъ-бы то ни было, но на этотъ *часъ* лучшаго калифа избрать было невозможно. Такъ-называемыя „афиши“ Гр. Ростопчина были новымъ и довольно знаменательнымъ явленіемъ въ нашей гражданской жизни и гражданской литературѣ. Знакомый намъ „Сила Андреевичъ“ 1807 года нынѣ повышенъ чиномъ. Въ 1812 году онъ уже не частно и не съ Краснаго Крыльца, а словомъ властнымъ и воеводскимъ разглашаетъ свои *Мысли вслухъ* изъ своего Генералъ Губернаторскаго дома, на Лубянкѣ. Карамзину, который въ предсмертные дни Москвы жилъ у Графа, разумѣется, не могли нравиться ни слогъ, ни нѣкоторые пріемы этихъ летучихъ листковъ. Подъ прикрытіемъ оговорки, что Ростопчину, уже и такъ обремененному дѣлами и заботами первой важности, нѣтъ времени заниматься еще сочиненіями, онъ предлагалъ ему писать эти листки за него, говоря въ-шутку, что тѣмъ заплатитъ ему за его гостепріимство и хлѣбъ-соль. Разумѣется, Ростопчинъ, по авторскому самолюбію, тоже вѣжливо отклонилъ это предложеніе. И признаюсь, по-мнѣ, поступилъ очень хорошо. Нечего и говорить, что подъ перомъ Карамзина эти листки,

эти бесѣды съ народомъ были-бы лучше писаны, сдержаннѣе, и вообще имѣли-бы болѣе правительственаго достоинства. Но за то лишились бы они этой электрической, скажу, грубой, воспламенительной силы, которая въ это время именно возбуждала и потрясала народъ. Русскій народъ—не Аѳиняне: онъ, вѣроятно, мало былъ-бы чувствителенъ къ плавной и звучной рѣчи Демосѳена и даже худо понялъ-бы его.

II.

Въ романѣ, или исторіи: „Война и миръ“, знаменательные дни 12—18 іюля 1812 года представлены съ другой точки зрѣнія и расцвѣчены другими красками. Отдавая полную справедливость живости разсказа въ художественномъ отношеніи, смѣю думать, что и мои впечатлѣнія, какъ очевидца этого событія, могутъ быть приняты въ соображеніе: едва-ли они не вѣрнѣе и ближе къ истинѣ, хотя слишкомъ полустолѣтнее разстояніе могло, разумѣется, ослабить и притупить эти впечатлѣнія. Мимоходомъ наткнувшись на упоминаемую книгу, не могу воздержаться отъ нѣкоторыхъ замѣтокъ на содержаніе ея, особенно-же по тому предмету, котораго я коснулся выше. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ остаюсь въ 1812 году: слѣдовательно, не выхожу изъ круга, который я себѣ предначерталъ. Книга: „Война и миръ“, за исключеніемъ раманической части, не подлежащей нынѣ моему разбору, есть, по крайнему разумѣнію моему, протестъ противъ 1812 года; есть апелляція на мнѣніе, установившееся о немъ въ народной памяти и по изустнымъ преданіямъ и на авторитетѣ рус-

скихъ историковъ этой эпохи. Школа отрицанія и униженія исторіи подъ видомъ новой оцѣнки ея, разувѣреніе въ народныхъ вѣрованіяхъ,—все это не ново. Эта школа имѣетъ своихъ преподавателей и, къ сожалѣнію, довольно много слушателей. Это уже не скептицизмъ, а чисто нравственно-литературный матеріализмъ. Безбожіе опустошаетъ небо и будущую жизнь. Историческое вольнодумство и невѣріе опустошаютъ землю и жизнь настоящаго отрицаніемъ событій минувшаго и отрѣшеніемъ народныхъ личностей. Лѣтъ 30 тому и болѣе, видѣлъ я въ Саратовскомъ острогѣ раскольника, принадлежавшаго толку *Нѣтовщины.* Сектаторы убивали другъ-друга. Обрекающій себя на смерть клалъ голову свою на деревянный чурбанъ, и очередной отрубалъ ее. Видѣнный мною уцѣлѣлъ одинъ отъ побіенія болѣе 30-ти человѣкъ въ одну ночь на деревенскомъ гумнѣ. Въ числѣ убитыхъ были мужчины, женщины, старики, дѣти. Предъ кончиной своей каждый говорилъ: *Прекрати меня, ради Христа!* Не знаю, ради чего или кого дѣйствуютъ историческіе *прекращатели;* но не мѣшало-бы и этому толку присвоить себѣ прозваніе: *Нѣтовщина,*

Возвратимся къ нашему предмету.

Сей протестъ противъ 1812 года, подъ заглавіемъ: „Война и миръ“, обратилъ

на себя общее вниманіе и, судя по нѣкоторымъ отзывамъ, возбудилъ довольно-живое сочувствіе. Въ этомъ изъявленіи, вѣроятно, уплачивается заслуженная дань таланту писателя. Но чѣмъ выше талантъ, тѣмъ болѣе долженъ онъ быть осмотрителенъ. Къ тому-же, признаніе дарованія не всегда влечетъ за собой, не всегда застраховываетъ и признаніе истины того, что̀ воспроизводитъ дарованіе. Таланту сочувствуешь и поклоняешься; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, можешь дозволить себѣ и оспаривать сущность и правду разсказовъ, когда онѣ кажутся сомнительными и положительно-невѣрными. Тутъ даже, можетъ-быть, возлагается и обязанность оспаривать ихъ. Я именно нахожусь въ этомъ положеніи. Такъ мало осталось въ живыхъ не только изъ дѣйствовавшихъ лицъ въ этой народной эпической драмѣ, громко и незабвенно озаглавленной: „1812 годъ“; такъ мало осталось въ живыхъ и зрителей ея, что на долю каждаго изъ нихъ выпадаетъ долгъ подавать голосъ свой для возстановленія истины, когда она нарушена. Новыя поколѣнія забывчивы; а читатели легковѣрны, особенно-же, когда увлекаются талантомъ автора.

Вотъ почему я, одинъ изъ немногихъ, пережившихъ это время, считаю долгомъ своимъ изложить, по воспоминаніямъ моимъ, то, что̀ было, и какъ оно было.

III.

Начнемъ съ того, что въ упомянутой книгѣ трудно рѣшить и даже догадываться, гдѣ кончается исторія и гдѣ начинается романъ, и обратно. Это переплетеніе, или, скорѣе, перепутываніе исторіи и романа, безъ-сомнѣнія, вредитъ первой и окончательно, передъ судомъ здравой и безпристрастной критики, не возвышаетъ истиннаго достоинства послѣдняго, то-есть романа. Встрѣча историческихъ именъ или именъ извѣстныхъ, но отчасти искаженныхъ и какъ-будто указывающихъ на дѣйствительныя лица, съ именами неизвѣстными и вымышленными, можетъ-быть, неожиданно и пріятно озадачиваетъ нѣкоторыхъ читателей, мало знакомыхъ съ эпохою, мало взыскательныхъ и простодушно поддающихся всякой приманкѣ. Но истинному таланту не должно было-бы выгадывать подобные успѣхи и подстрекать любопытство читателей подобными театральными и маскарадными продѣлками. Вальтеръ-Скоттъ, создатель историческаго романа, могъ *поэтизировать и романизировать* историческія событія и лица: онъ бралъ ихъ изъ дальней старины. Къ тому-же, и въ вымыслахъ, онъ всегда

оставался вѣренъ исторической истинѣ, т. е. ея нравственной сплѣ. Пушкинъ, въ исторической своей драмѣ, многое выдумалъ: напримѣръ, сцену Дмитрія съ Мариной въ саду. Но эта сцена *могла быть* и, во всякомъ случаѣ, именно такъ и *могла быть*. Когда знаешь исторію, то убѣждаешься, что поэтъ остался вѣренъ ей въ изображеніи характеровъ пылкаго самозванца и честолюбивой полячки [3]) Событія-же и лица историческія, намъ современныя, или почти-современныя, такъ-сказать не остывшія еще на почвѣ настоящаго, требуютъ въ возсозданіи своемъ гораздо большей осмотрительности и точнѣйшаго соблюденія сходства.

Если нельзя всегда быть фотографомъ, то должно, по-крайней-мѣрѣ, быть строгимъ историческимъ живописцемъ (peintre d'histoire), а не живописцемъ фантастическимъ и юмористическимъ.

Съ исторіей надлежитъ обращаться добросовѣстно, почтительно и съ любовью. Не святотатственно-ли да и не противно-ли всѣмъ условіямъ литературнаго благоприличія и вкуса низводить историческую картину до каррикатуры и

---

[3]) Въ „Капитанской дочкѣ“ есть также соприкосновеніе исторіи съ романомъ; но соприкосновеніе естественное и вмѣстѣ съ тѣмъ мастерское. Тутъ исторія не вредитъ роману; романъ не дурачитъ и не позоритъ исторію.

до пошлости? Есть доля пошлости въ натурѣ человѣка: не споримъ. Нѣтъ великаго человѣка для камердинера его, говорятъ французы: и это правда. Но писатель не камердинеръ. Онъ можетъ и долженъ быть живописцемъ и судьею историческаго лица, если оно подвертывается подъ его кисть. Онъ долженъ смотрѣть ему прямо въ глаза и проникать въ умъ и душу его, а не довольствоваться однимъ улавливаніемъ какихъ-нибудь внѣшнихъ его слабостей и промаховъ, вдоволь шпыняя надъ ними. Презрѣніе есть часто лживый признакъ силы. Оно иногда просто доказываетъ одно непониманіе того, что выше и чище насъ. Новѣйшая литература наша, по слѣдамъ французской — т. е. по слѣдамъ ея второстепенныхъ писателей, — любитъ *опошлять* жизнь, дѣйствія, событія, самыя страсти общества. Она все низводитъ, все сплющиваетъ, съужаетъ. Пора людямъ съ талантомъ нѣсколько возвысить общій уровень умозрѣнія и творчества. Нѣкоторые повѣствователи и драматурги любятъ выводить на-показъ личности посредственныя, слабоумныя, слабодушныя или производить такихъ чудаковъ, которыхъ образа и подобія въ обществѣ не встрѣчается. Въ послѣднемъ случаѣ нѣтъ на авторѣ никакой нравственной и логической отвѣтственности. Это не живыя

лица, а какія-то привидѣнія прихотливаго или больного воображенія. Съ ними много церемониться нечего. Относительно-же первыхъ, съ высоты авторства своего, повѣствователи до пресыщенія трунятъ надъ своими находками и добиваютъ ихъ до окончательнаго ничтожества. Во первыхъ, лежачаго не бьютъ: людей, уже избитыхъ природою, незачѣмъ добивать перомъ. Нѣтъ, попробуйте силы свои — а въ нѣкоторыхъ изъ васъ этихъ силъ довольно, — попробуйте справиться съ личностями умными, съ характерами возвышенными и благородными, хотя и волнуемыми страстью, — однимъ словомъ, съ личностями, выходящими изъ среды дюжинныхъ: а, воля ваша, въ нашихъ рядахъ отъищутся и такія личности. Не оставайтесь на лощинахъ, на плоскостяхъ, гдѣ, разумѣется, дѣйствовать легче и вольнѣе, и гдѣ разгулу болѣе простора. Потрудитесь всходить на пригорки и насъ самихъ взводите на нихъ Тамъ воздухъ чище, благорастворенніе; тамъ болѣе свѣта; тамъ небосклонъ обширнѣе; тамъ яснѣе и дальше смотришь: тамъ и вы, и лица, вами выводимыя, будутъ болѣе на виду. Предъ вами жизнь со всѣми своими таинствами, глубокими пропастями, свѣтлыми высотами, со своими назидательными уроками; предъ вами исторія съ своими драматическими событіями и так-

же со своими уроками, еще болѣе наставительными, чѣмъ первая. А вы изъ всего этого выкраиваете однихъ Добчинскихъ, Бобчинскихъ и Тяпкиныхъ-Ляпкиныхъ. Къ чему такое недовѣріе къ себѣ, къ своимъ силамъ, къ своему дарованію? Къ чему такое презрѣніе къ читателямъ, какъ-будто имъ не по глазамъ и не по росту картины болѣе величавыя, болѣе исполненныя внутренняго и нравственнаго достоинства? Къ тому-же, не забывайте, что Гоголь уже геніально разработалъ и истощилъ до самой сердцевины поле нашей пошлости. Какъ послѣ Гомера нечего писать новую Иліаду, такъ послѣ „Ревизора„ и „Мертвыхъ Душъ“ нечего гоняться за *Ильями Андреичами*, за *Безухими* и за *старичками-вельможами*, у которыхъ въ такую минуту, когда дѣло, или, по-крайней-мѣрѣ, слово шло о спасеніи отечества, одно выражалось въ нихъ—что *имъ очень жарко*. Не спорю, можетъ-быть, были тутъ и такіе; но не на нихъ должно было остановиться вниманіе писателя, имѣющаго несомнѣнное дарованіе. Къ-чему, въ порывѣ юмора, впрочемъ, довольно-сомнительнаго, населять собраніе 15-го числа, которое все таки остается историческимъ числомъ, *старыками подслѣповатыми, беззубыми, плѣшивыми, оплывшими желтымъ жиромъ*, или *сморщенными, худыми?* Конечно, очень

пріятно сохранить въ цѣлости свои зубы и волоса: намъ-старикамъ даже и завидно на это смотрѣть. Но чѣмъ-же виноваты эти старики, изъ коихъ нѣкоторые, можетъ-статься, были—да и, навѣрное, были—сподвижниками Екатерины; чѣмъ-же виноваты и смѣшны они, что Богъ велѣлъ имъ дожить до 1812 г. и до нашествія Наполеона? Можно, пожалуй, если есть недостатокъ въ сочувствіи, не преклоняться предъ ними, не помнить ихъ заслугъ и блестящаго времени; но, во всякомъ случаѣ, можно и должно, по-крайней-мѣрѣ, изъ благоприличія, оставлять ихъ въ покоѣ.

Воля ваша, нельзя описывать историческіе дни Москвы, какъ Грибоѣдовъ описывалъ въ комедіи своей ея ежедневную жизнь. Да и въ самой комедіи есть уже замашки каррикатуры. Могли быть Фамусовы и въ Москвѣ 1812 года, но были и не одни Фамусовы. А въ книгѣ „Война и миръ“ все это собраніе состоитъ изъ лицъ подобнаго калибра. Это лица вымышленныя: авторъ воленъ въ вымыслахъ своихъ—пожалуй; но зачѣмъ тогда выводить тутъ-же, напримѣръ, Ст. Ст. Апраксина, лицо очень дѣйствительное и въ то время извѣстное въ Московскомъ обществѣ? Къ-чему выводить en toutes lettres, Гр. Ростопчина, лицо еще болѣе извѣстное и въ Москвѣ и въ исторіи 1812 года? И, вы-

водя эту энергическую и рѣзко выдающуюся личность, можно-ли ограничиться нѣкоторыми внѣшними примѣтами, какъ въ видѣ, выданномъ отъ полиціи, или отмѣткою, что онъ былъ въ генеральскомъ мундирѣ и съ лентой чрезъ плечо? Да, онъ и былъ генералъ и слѣдовательно, не могъ быть иначе, какъ въ генеральскомъ мундирѣ. Въ чрезвычайномъ собраніи и въ присутствіи Государя долженъ былъ онъ быть непремѣнно и съ лентой чрезъ плечо, какъ и всѣ прочіе, имѣвшіе орденскіе знаки. Что это за характеристика? А, между тѣмъ, тутъ обнаруживается притязаніе или поползновеніе придать картинѣ историческій оттѣнокъ. Вотъ, что̀ должно сбивать легковѣрнаго читателя, и что̀, по моему мнѣнію, нехорошо и непростительно.

А въ какомъ видѣ представленъ Императоръ Александръ въ тѣ дни, когда Онъ появился среди народа Своего и вызывалъ его ополчиться на смертную борьбу съ могущественнымъ и счастливымъ непріятелемъ? Авторъ выводитъ Его передъ народъ—глазамъ своимъ не вѣришь, читая это—съ „бисквитомъ, который Онъ доѣдалъ“.—„Обломокъ бисквита, довольно большой, который держалъ Государь въ рукѣ, отломившись, упалъ на землю. Кучеръ въ поддевкѣ (замѣтьте, какая точность во всѣхъ по-

дробностяхъ) поднялъ его. Толпа бросилась къ кучеру отбивать у него бисквитъ. Государь подмѣтилъ это и (вѣроятно, желая позабавиться?) велѣлъ подать Себѣ тарелку съ бисквитами и сталъ кидать ихъ съ балкона...“

Если отнести эту сцену къ исторіи, то можно сказать утвердительно, что это басня; если отнести ее къ вымысламъ, то можно сказать, что тутъ еще болѣе исторической невѣрности и несообразности. Этотъ разсказъ изобличаетъ совершенное незнаніе личности Александра I. Онъ былъ такъ размѣренъ, разсчетливъ во всѣхъ Своихъ дѣйствіяхъ и малѣйшихъ движеніяхъ; такъ опасался всего, что̀ могло показаться смѣшнымъ или неловкимъ; такъ былъ во всемъ обдуманъ, чиненъ, представителенъ, оглядливъ до мелочи и щепетливости: что, вѣроятно, Онъ скорѣе бросился-бы въ воду, нежели-бы рѣшился показаться предъ народомъ, и еще въ такіе торжественные и знаменательные дни, *дондающимъ бисквитъ*. Мало того: Онъ еще забавляется киданьемъ съ балкона Кремлевскаго Дворца бисквитовъ въ народъ,—точь-въ-точь какъ въ праздничный день старосвѣтскій помѣщикъ кидаетъ на драку пряники деревенскимъ мальчишкамъ! Это опять каррикатура, во всякомъ случаѣ совершенно неумѣстная и несогласная съ истиной. А и сама кар-

рикатура—остроумная и художественная—должна быть правдоподобна. Достоинство исторіи и достоинство народнаго чувства, въ самомъ пылу сильнѣйшаго его возбужденія и напряженія, ничего подобнаго допускать не могутъ. Исторія и разумныя условія вымысла тутъ равно нарушены....

Не пдемъ далѣе: довольно и этой выписки, чтобы вполнѣ выразить мнѣніе наше.

IV.

Теперь, спускаясь съ общихъ соображеній о событіяхъ, смиренно обращаюсь къ самому себѣ. Постараюсь припомнить частные случаи и личныя впечатлѣнія, собственно до меня касающіяся. Гр. Канкринъ говорилъ мнѣ однажды, что въ обществѣ гражданскомъ и въ совокупности государственнаго устройства всѣ люди песчинки, изъ коихъ образуется и возвышается гора: разница только въ томъ, что одна песчинка выше, другая ниже. Вотъ и я, незамѣтная и очень нижняя песчинка, заявляю существованіе свое въ эпохѣ 1812-го года.

Въ самый день состоявшагося собранія, и когда положено было образовать народное ополченіе, Гр. Мамоновъ подалъ чрезъ Гр. Растопчина Государю письмо, въ которомъ онъ всеподданнѣйше предлагалъ вносить, во все продолженіе войны, на военныя издержки весь свой доходъ, оставляя себѣ 10,000 руб. ежегодно на прожитіе. Мамоновъ былъ богатый помѣщикъ нѣсколькихъ тысячъ крестьянъ. Государь, приказавъ поблагодарить Графа за усердіе его и значительное пожертвованіе, призналъ полезнѣе предложить ему составить кон-

ный полкъ. Такъ и было сдѣлано. Дѣло закипѣло. Вызвалъ онъ изъ деревень своихъ нѣсколько сотъ крестьянъ, началъ вербовать за деньги охотниковъ, всѣхъ ихъ обмундировалъ, посадилъ на коней, вооружилъ: исправно и скоро полкъ началъ приходить въ надлежащее устройство. Были и другія отъ частныхъ лицъ предложенія и попытки ставить полки на собственныя издержки; но, кажется, одинъ полкъ Мамонова окончательно достигъ предназначенной цѣли. Мамоновъ, хотя и въ молодыхъ лѣтахъ, былъ тогда Оберъ-Прокуроромъ въ одномъ изъ Московскихъ Департаментовъ Сената. Военное дѣло было ему совершенно неизвѣстно. Онъ надѣлъ генеральскій мундиръ, но чувствуя, что одного мундира недовольно для устройства дѣла, предложилъ мѣсто Полковаго Командира Князю Четвертинскому — тогда въ отставкѣ, но извѣстному блестящему кавалерійскому офицеру въ прежнихъ войнахъ. За нимъ послѣдовали многіе молодые люди, въ томъ числѣ и я. Я уже однажды говорилъ [4]), что никогда не готовился къ военной службѣ. Ни здоровье мое, ни воспитаніе, ни наклонности мои не располагали меня къ этому званію. Я былъ посредственнымъ ѣздокомъ на лошади, никогда не бралъ въ руки огне-

---

[4]) Р. Архивъ 1866, стр. 231.

стрѣльнаго оружія. Въ пансіонѣ учился я фехтованью, но послѣ того раззнакомился и съ раппрою. Однимъ словомъ, ничего не было во мнѣ воинственнаго. Смолоду былъ я довольно старообразенъ, и казацкій мундиръ и военная выправка были, вѣроятно, очень мнѣ не къ лицу. Когда Графъ Левъ Кириловичъ Разумовскій, пріятель отца моего, и послѣ всегда оказывавшій мнѣ дружеское расположеніе, въ первый разъ встрѣтилъ меня въ моемъ новомъ нарядѣ, онъ говорилъ, что я напоминаю ему старыхъ казаковъ, которыхъ онъ у Гетмана, отца своего, видѣлъ въ Батурпнѣ. Къ тому-же, я только-что предъ тѣмъ женился и только-что начиналъ оправляться отъ болѣзни въ легкихъ, которая угрожала мнѣ чахоткою. Но все это было отложено въ сторону предъ общимъ движеніемъ и важностью обстоятельствъ. Полкъ нашъ, или зародыши нашего полка стояли тогда около Петровскаго Дворца. Туда былъ наряжаемъ и я на дежурства, дѣлалъ смотры, переклички и самъ себѣ не вѣрилъ, глядя на себя.

Между-тѣмъ Милорадовичъ былъ проѣздомъ въ Москвѣ и обѣдалъ у пріятеля своего и моего свояка Князя Четвертинскаго. Я также былъ на этомъ обѣдѣ. Милорадовичъ предложилъ мнѣ принять меня къ себѣ въ должности адъютанта. Разумѣется, съ охотою и

признательностью принялъ я это предложеніе. Онъ тогда долженъ еще былъ ѣхать въ Калугу для устройства войскъ, но вскорѣ затѣмъ, пріѣхавъ въ дѣйствующую армію, вызвалъ меня изъ Москвы. Первыя мои военныя впечатлѣнія встрѣтили меня въ Можайскѣ. Тамъ былъ я свидѣтелемъ зрѣлища печальнаго и совершенно для меня новаго. Я засталъ тутъ многихъ изъ своихъ знакомыхъ по Московскимъ баламъ и собраніямъ, и всѣ они, болѣе или менѣе, были изувѣчены послѣ битвы, предшествовавшей Бородинской, — 24 августа. Между прочими былъ Гр. Андрей Ивановичъ Гудовичъ, коего полкъ въ этотъ день мужественно и блистательно дрался и крѣпко пострадалъ.

Но пріѣздѣ своемъ на мѣсто, гдѣ расположена была армія, долго искалъ я Милорадовича. Въ этомъ исканіи, проходилъ я мимо избы, которая, кажется, была занята Кутузовымъ. Много военныхъ и много движенія было около нея. Я разслышалъ, что нѣкоторые изъ офицеровъ давали кому-то разныя порученія, вѣроятно, для закупки у маркитанта. Когда я поровнялся съ ними, одинъ изъ нихъ громко сказалъ: „да не забудь принести виземскихъ пряниковъ!“ На мой-ли имя отпущено было это порученіе, можетъ-быть, шуткою кѣмъ-нибудь изъ знавшихъ меня, или было оно ска-

зано случайно—не знаю. Но помню еще и теперь, что это меня—новичка въ военномъ званіи — нѣсколько смутило и озадачило. Благоразуміе однако взяло верхъ, и, не доискиваясь прямого объясненія этихъ словъ, пошелъ я далѣе. Наконецъ нашелъ я Милорадовича и засталъ его на бивуакѣ, предъ разведеннымъ огнемъ. Принялъ онъ меня очень благосклонно и ласково: много разспрашивалъ о Москвѣ, о нравственномъ и духовномъ расположеніи ея жителей и о Гр. Ростопчинѣ, который, хотя и заочно, распоряженіями своими и воинственнымъ перомъ, воюющимъ противъ Наполеона, такъ сказать, принадлежалъ дѣйствующей арміи. Поздравивъ меня съ пріѣздомъ совершенно кстати, потому-что битва на другой день была почти несомнѣнна, онъ отпустилъ меня и предложилъ мнѣ для отдыха переночевать въ его избѣ, ему ненужной, потому-что онъ всю ночь намѣревался оставаться въ своей палаткѣ. На другое утро, съ разсвѣтомъ, разбудила меня вѣстовая пушка, или говоря правдивѣе, разбудила она не меня, заснувшаго богатырскимъ сномъ, а вѣрнаго камердинера моего, болѣе меня чуткаго. На-скоро одѣлся я и пошелъ къ Милорадовичу. Всѣ были уже на конях. Но, на бѣду мою, верховая лошадь моя, которую отправилъ я изъ Москвы, не дошла еще до ме-

ня. Всѣ отправились къ назначеннымъ мѣстамъ. Я остался одинъ. Минута была ужасная. Меня обдало холодомъ и унынiемъ. Мнѣ живо представилась вся несообразность, вся комическо-трагическая неловкость моего положенiя. Пріѣхать въ армiю, какъ-нарочно, ко дню сраженiя, и въ немъ не участвовать! Мысль объ ожидавшихъ меня насмѣшкахъ, подозрѣнiяхъ, толкахъ меня преслѣдовала и удручала. Невольно говорилъ я себѣ: „къ-чему было выскочкой изъ ополченiя кидаться въ воинственные, дѣйствующiе ряды?“ Мнѣ тогда казалось, что если до конца сраженiя не добуду себѣ лошади, то непремѣнно застрѣлюсь. Не знаю, исполнилъ-ли-бы я свое намѣренiе, но, по крайней-мѣрѣ, на ту пору крѣпко засѣло оно у меня въ головѣ. По счастью, незнакомый мнѣ адъютантъ Милорадовича, Юнкеръ, случайно подъѣхалъ и, видя мое отчаянiе, предложилъ мнѣ свою запасную лошадь. Обрадовавшись, и какъ-будто спасенный отъ смерти, выѣхалъ я въ поле и присоединился къ свитѣ Милорадовича. Я такъ былъ неопытенъ въ дѣлѣ военномъ и такой мирный московскiй баричъ, что свистъ первой пули, пролетѣвшей надо мной, принялъ я за свистъ хлыстика. Обернулся назадъ и, видя, что никто за мной не ѣдетъ, догадался я объ истинномъ значенiи этого свиста.

Вскорѣ потомъ ядро упало къ ногамъ лошади Милорадовича. Онъ сказалъ: „Богъ мой! видите, непріятель отдаетъ намъ честь.“ Но, для сохраненія исторической истины, долженъ я признаться, что это было сказано на французскомъ языкѣ, на которомъ говорилъ онъ охотно, хотя часто весьма забавно-неправильно.

На полѣ сраженія встрѣчался я такъ-же со многими своими городскими знакомыми и, между прочими, съ генераломъ Капцевичемъ, который такъ-же, какъ Милорадовичъ, враждебно, но охотно, обращался съ французскимъ языкомъ. Помню, что онъ привѣтствовалъ меня смѣшною французскою фразою, отъ которой я невольно и внутренно улыбнулся.

Хотя здѣсь и не у мѣста, но не могу не замѣтить нашимъ непреклоннымъ *языколюбцамъ*, что привычка говорить пофранцузски не мѣшала генераламъ нашимъ драться совершенно порусски. Не думаю, чтобы они были храбрѣе, болѣе любили Россію, вѣрнѣе и пламеннѣе ей служили, еслибъ не причастны были этой маленькой слабости.

Странны были мнѣ эти встрѣчи на полѣ сраженія. Впрочемъ, всѣ эти господа были, болѣе или менѣе, какъ у себя, или въ знакомомъ домѣ. Я одинъ былъ тутъ новичкомъ и неловкимъ провинціаломъ въ блестящемъ и многолюд-

номъ столичномъ обществѣ. Къ сожалѣнію, не встрѣтился я на полѣ сраженія съ Жуковскимъ, который такъ-же, какъ и я, былъ на скорую руку посвященъ въ воины. Онъ съ Московскою дружиною стоялъ въ резервѣ, нѣсколько поодаль. Но былъ и онъ подъ ядрами, потому-что Бородинскія ядра всюду долетали. Кажется, вскорѣ послѣ сдачи Москвы онъ причисленъ былъ къ Штабу Кутузова, по приглашенію пріятеля своего, дежурнаго генерала Кайсарова. Едвали даже не написано было имъ нѣсколько приказовъ и реляцій. Въ Вильнѣ схватилъ онъ тифозную горячку и долго пролежалъ въ больницѣ. Но лучшимъ и незабвеннымъ участіемъ его въ отечественной войнѣ остался „Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ“.

Мой казацкій мундиръ Мамоновскаго полка, впрочемъ, несовсѣмъ казацкій, былъ неизвѣстенъ въ арміи. Онъ состоялъ изъ синяго чекменя съ голубыми обшлагами. На головѣ былъ большой киверъ съ высокимъ султаномъ, обтянутый медвѣжимъ мѣхомъ. Не умѣю сказать, на какой, но были мы съ Милорадовичемъ на баттареѣ, дѣйствовавшей въ полномъ разгарѣ. Тутъ подъѣхалъ ко мнѣ незнакомый офицеръ и сказалъ, что киверъ мой можетъ сыграть надо мной плохую шутку. „Сейчасъ“,

продолжалъ онъ: „остановилъ я летѣвшаго на Васъ казака, который говорилъ мнѣ: „посмотрите, Ваше Благородіе, куда врѣзался проклятый французъ!“ Поблагодарилъ я незнакомца за доброе предостереженіе, но сказалъ, что нельзя-же мнѣ бросить кивéръ и разъѣзжать съ обнаженной головой. Тутъ вмѣшался въ нашъ разговоръ молодой Петръ Петровичъ Валуевъ, блестящій кавалергардскій офицеръ, и, узнавъ, въ чемъ дѣло, любезно предложилъ мнѣ фуражку, которая была у него въ запасѣ. Киверъ мой былъ сброшенъ и остался на полѣ сраженія. Можетъ быть, послѣ попалъ онъ въ число принадлежностей убитыхъ и въ общій ихъ итогъ внесъ свою единицу. Но бѣдный Валуевъ вскорѣ потомъ былъ въ-самомъ дѣлѣ убитъ. Видно, въ Бородинскомъ дѣлѣ суждено мнѣ было быть принятымъ за француза. Во время сраженія, разнесся слухъ у насъ, что взятъ былъ въ плѣнъ Мюратъ; но послѣ оказалось, что принятъ былъ за него генералъ Бонами. Не помню, съ кѣмъ ѣхалъ я рядомъ: мой спутникъ спросилъ ѣхавшаго къ намъ навстрѣчу офицера, знаетъ-ли онъ, что Мюратъ взятъ въ плѣнъ?—Знаю“, отвѣчалъ тотъ.

„А это кого ты ведешь?“ спросилъ онъ про меня.

Данная мнѣ адъютантомъ Юнкеромъ лошадь была пулею прострѣлена въ ногу и такъ захромала, что не могла уже мнѣ служить. И вотъ я опять сталъ въ тупикъ, по образу пѣшаго хожденія. А за Милорадовичемъ, на полѣ сраженія, пѣшкомъ угнаться было невозможно: онъ такъ и леталъ во всѣ стороны. Когда ранили лошадь подо мною, неизъяснимое чувство то радости, то самодовольствія пробудилось во мнѣ и меня воодушевило. Мнѣ въ эту минуту сдалось, что я недаромъ облачился въ казацкій чекмень. Я понялъ значеніе французскаго выраженія: „le baptême de feu“. Хотя собственно былъ раненъ не я, а только неповинная моя лошадь; но все-же былъ я въ опасности и также могъ быть раненъ. Я даже жалѣлъ, что эта пуля не попала мнѣ въ руку, или ногу, хотя—каюсь—и не желалъ-бы глубокой раны, а только, чтобъ закалилась на мнѣ память о Бородинской битвѣ. Когда былъ я въ недоумѣніи, что дѣлать, опять явился ко мнѣ добрый человѣкъ и выручилъ меня изъ бѣды. Адъютантъ Милорадовича, Д. Г. Бибиковъ, сжалился надо мной и далъ мнѣ свою запасную лошадь. Но и ему за оказанное одолженіе не посчастливилось: вскорѣ затѣмъ ядромъ оторвало у него руку. Спустя немного времени послѣ сдѣланной ему операціи видѣлъ я его: онъ былъ спокоенъ духомъ и даже шутилъ.

Милорадовичъ велъ въ дѣло дивизію Алексѣя Николаевича Бахметева, находившуюся подъ его командою. Подъ Бахметевымъ была убита лошадь. Онъ сѣлъ на другую. Спустя нѣсколько времени, ядро раздробило ногу ему. Мы остановились. Ядро, упавъ на землю, зашипѣло, завертѣлось, взвилось и разорвало мою лошадь. Я остался при Бахметевѣ. Съ трудомъ уложили мы его на мой плащъ и съ нѣсколькими рядовыми понесли его подалѣе отъ огня. Но и тутъ, путемъ, сопровождали насъ ядра, которыя падали направо и налѣво, предъ нами и позади насъ. Жестоко страдая отъ раны, генералъ изъявлялъ желаніе, чтобы мѣткое ядро окончательно добило его. Но мы благополучно донесли его до мѣста перевязки. Это тотъ самый Бахметевъ, при которомъ позднѣе Батюшковъ находился адъютантомъ. Но, кажется, Бахметевъ, лишившись ноги, уже не возвращался въ армію: онъ изъ Нижняго-Новгорода, гдѣ лежалъ больной, и гдѣ также находился Батюшковъ, отправилъ его къ генералу Раевскому, при которомъ Батюшковъ былъ въ походѣ до самаго Парижа.

Не помню, по какому случаю, уже позднимъ вечеромъ, попалъ я въ избу, гдѣ лежалъ тяжело-раненый Кн. Багратіонъ. Шуринъ мой, Кн. Ѳ. Гагаринъ, былъ при немъ адъютантомъ. Онъ меня, голоднаго и усталаго, накормилъ, на-

поилъ и уложилъ спать. Не только мое частное, неопытное впечатлѣніе, но и общее между военными, тутъ находившимися мнѣніе было, что Бородинское дѣло нами не проиграно. Всѣ еще были въ такомъ восторженномъ настроеніи духа, всѣ были такими живыми свидѣтелями отчаянной храбрости нашихъ войскъ, что мысль о неудачѣ, или даже полуудачѣ не могла никому приходить въ голову. Къ утру эта пріятная самоувѣренность нѣсколько ослабѣла и остыла. Мы узнали, что дано было приказаніе къ отступленію. Помню, какая была тутъ давка; кажется, даже и не обошлось безъ нѣкотораго безпорядка. Артиллерія, пѣхота, кавалерія, обозы—все это стѣснилось на узкой дорогѣ. Начальники кричали и распоряжались; кажется, дѣйствовали и нагайки. Между рядовыми и офицерами отступленіе никому не было по вкусу.

Когда мы пришли въ Можайскъ, городъ казался уже опустѣвшимъ. Нѣкоторые дома были раззорены; выбиты и вынесены были окна и двери. Милорадовичъ увидѣлъ солдата, выходящаго изъ одного дома съ разными пожитками. Онъ его остановилъ и далъ приказаніе его разстрѣлять. Но, кажется, это было болѣе для острастки, и казнь не была совершена. Мы расположились въ какомъ-то домѣ, оказавшемся нѣсколько

болѣе удобнымъ. Генералъ продиктовалъ мнѣ приказы по отдѣленію войскъ, находившихся подъ его начальствомъ и остававшихся еще въ Подольскѣ. Тутъ-же пригласилъ онъ меня съ нимъ отобѣдать, извиняясь, что худо меня накормитъ, когда могли-бы мы хорошо пообѣдать у Гр. Марко́ва, начальника Московскихъ Дружинъ, который звалъ его и перенесъ на поле сраженія свое московское хлѣбосольство и гостепріимство. Милорадовичъ былъ обыкновенно невзыскателенъ въ своихъ житейскихъ потребностяхъ. Да къ тому-же, щедрый и расточительный на деньги, иногда оставался онъ безъ гроша въ карманѣ. Разсказывали, что, во время походовъ, бывало, воротится онъ въ свою палатку послѣ сраженія и говоритъ своему слугѣ: „ Дай-ка мнѣ пообѣдать! “

—„Да у насъ ничего нѣтъ“, отвѣчаетъ тотъ.

„Ну, такъ дай чаю! “

—И чаю нѣтъ.

„Такъ трубку дай! “

—Табакъ весь вышелъ.

„Ну, такъ дай мнѣ бурку! “ скажетъ онъ, завернется въ нее и тутъ-же заснетъ богатырскимъ сномъ. Онъ былъ весьма пріятнаго и плѣнительнаго обхожденія, внимателенъ и привѣтливъ къ своимъ подчиненнымъ.

Многимъ уже извѣстно было на другой день, что я лишился двухъ лошадей, и меня поздравляли съ этимъ починомъ. Дѣло въ томъ, что Милорадовичъ самъ разсказывалъ объ этомъ въ Главной Квартирѣ Кутузова. Послѣ этого минутнаго знакомства, мы всегда съ нимъ оставились въ хорошихъ отношеніяхъ.

Вотъ и вся моя Иліада! Разумѣется, могъ-бы я, не хуже другихъ, справляясь съ реляціями и описаніями войны, войти въ болѣе подробный разсказъ о положеніи разныхъ отрядовъ войска и о движеніи ихъ на Бородинскомъ полѣ. Но я никогда и ни въ чемъ не любилъ шарлатанить. Да, кажется, еслибъ и захотѣлъ, не съумѣлъ бы. Во время сраженія я былъ, какъ въ темномъ, или, пожалуй, воспламененномъ лѣсу. По природной близорукости своей, худо видѣлъ я, что было предъ глазами моими. По отсутствію не только всѣхъ военныхъ способностей, но и простого навыка, ничего не могъ я понять изъ того, что дѣлалось. Разсказывали про какого-то воеводу, что, придокладѣ ему служебныхъ бумагъ, онъ иногда спрашивалъ своего секретаря: „а это мы пишемъ, или къ намъ пишутъ?“ Такъ и я могъ-бы спрашивать въ сраженіи: „а это мы бьемъ, или насъ бьютъ?“ Благодаря генерала Богдановича, узналъ я изъ книги его, что генералъ Бахметевъ потерялъ ногу

(а, слѣдовательно, я лошадь свою) въ 2 часа пополудни, когда „Коленкуръ повелъ въ атаку дивизію Ватье, между-тѣмъ-какъ продолжалась успленная канонада, что́ заставило нашу пѣхоту перестроиться въ карэ подъ жесточайшимъ огнемъ непріятельскихъ баттарей.“ [5])

---

[5]) „Исторія Отеч. войны 1812-го года“, соч. Генерала Богдановича. т. II. стр. 210.

V.

Жуковскій вынесъ изъ Бородинской битвы „Пѣвца во станѣ Русскихъ воиновъ“. Какой-же будетъ мой итогъ за этотъ день? Самый прозаическій. На повѣрку выходитъ, что поплатился я одною кошкою и двумя лошадьми. Въ избѣ, которую уступилъ мнѣ Милорадовичъ, нашелъ я кошку. Я къ этому животному имѣю неодолимое отвращеніе. Предъ тѣмъ, чтобы лечь спать, загналъ я ее въ печь и крѣпко-на-крѣпко закрылъ заслонку. Не знаю, что́ съ нею послѣ было: выскочила-ли она въ трубу, или тутъ скончалась. Нерѣдко послѣ совѣсть моя напоминала мнѣ это звѣрское малодушіе. Тогда еще не былъ я членомъ Общества Покровительства Животныхъ, и объ этомъ покровительствѣ мало кто думалъ. Что касается до лошадей, то разскажу слѣдующее. Однажды пріѣхалъ ко мнѣ изъ внутренней губерніи сосѣдъ мой по деревнѣ. Я не зналъ, о чемъ вести съ нимъ разговоръ. Бдаго, была предъ тѣмъ холера въ этой сторонѣ, и я спросилъ его, не много-ли пострадала деревня его? „Нѣтъ“, отвѣчалъ онъ мнѣ: „благодаря Бога, пожертвовалъ я только одной старухой.“ А

мнѣ нельзя даже похвалиться и такимъ пожертвованіемъ, потому-что павшія подо мной лошади не мнѣ принадлежали. Стало-быть, въ эти достопамятные дни самоотверженія, частныхъ и общихъ жертвъ, я ни собою, ни крѣпостною собственностью моею не пожертвовалъ.

VI.

Въ дополненіе ко всему сказанному считаю не лишнимъ прибавить нѣсколько словъ о Гр. Ростопчинѣ.

Въ исторической пли гражданской жизни его есть одна темная страница: темная и по печальному событію, которымъ ознаменована; темная и по сбивчивымъ свѣдѣніямъ, сохранившимся о ходѣ и подробностяхъ сего событія. Каждому ясно, что мы говоримъ о смертп Верещагина.

Вотъ что̀ сохранилось въ памяти моей изъ этого эпизода 1812 года, и что̀ разсказывалось о немъ въ Москвѣ. Купеческій сынъ Верещагинъ знакомъ былъ съ сыномъ Московскаго Почтъ-Директора Ключарева. Вслѣдствіе этого знакомства имѣлъ онъ возможность читать запрещенные цензурою нумера иностранныхъ газетъ. Онъ переводилъ изъ нихъ на русскій языкъ то, что̀ касалось до Россіп и до намѣреній Наполеона. Можетъ-быть, иное и самъ сочинялъ въ этомъ смыслѣ; но положительно извѣстно то, что предосудительные, особенно по важностп и смутностп тогдашнихъ обстоятельствъ, листки были перехвачены полиціей. Гр. Ростопчинъ не могъ не обратить на это дѣло бдительнаго и строгаго вниманія. По легко-

мыслію-ли поступалъ Верещагинъ, по злому-ли умыслу—онъ все-же былъ виновенъ передъ закономъ. Гр. Ростопчинъ приказалъ задержать его и предалъ суду. Соучастіе въ этомъ сына Ключарева—также легкомысленное, или задуманное—было, во всякомъ случаѣ, не менѣе предосудительно, особенно-же—не должно терять это изъ виду—въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Подозрѣнія, павшія на Почтовое Вѣдомство, должны были быть разъяснены, ибо тайныя и неблагонамѣренныя дѣйствія его могли имѣть вредныя послѣдствія для безопасности государства. Москва не находилась дѣйствительно и законно въ осадномъ и на военномъ положеніи; но нравственно не была она въ мирныхъ условіяхъ обыкновеннаго порядка. Почтъ-Директоръ Ключаревъ, допустившій, помалой-мѣрѣ, недостаточною бдительностью, нарушеніе закона, по которому запрещенные нумера газетъ должны оставаться тайными, былъ удаленъ отъ своего мѣста и отправленъ въ Воронежъ. Нѣкоторые полагали, что принадлежность его къ масонству была одна изъ причинъ неблаговоленія къ нему Ростопчина. Едва-ли можно согласиться съ этимъ предположеніемъ. Тутъ дѣло шло не о масонствѣ. Къ тому-же, другіе масоны не были потревожены. Для пылкаго и властолюбиваго Гр. Ростопчина

достаточно было, что Ключаревъ, вѣдомо или невѣдомо, допустилъ злоупотребленіе въ своемъ вѣдомствѣ, и къ тому-же совершенное сыномъ его; а еще болѣе, что присланный для производства первоначальнаго слѣдствія, полицеймейстеръ Дурасовъ встрѣтилъ сопротивленіе въ Почтамтѣ и былъ допущенъ не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія Почтъ-Директора. Въ то-же время выраженіе Ростопчина въ одной изъ его афишъ, что у него болѣлъ глазъ, а теперь смотритъ онъ въ *оба*, относилось, по общему отзыву, къ удаленію Ключарева. Въ книгѣ: „Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, за октябрь—декабрь 1866 г.“, напечатаны довольно обстоятельныя и любопытныя свѣдѣнія и описанія всего этого происшествія. Не имѣя предъ глазами подлинныхъ документовъ, на которые ссылается авторъ описанія, не могу ни убѣдиться въ достовѣрности всѣхъ свѣдѣній, ни оспаривать ихъ. Извѣстно, что производимыя слѣдствія содержатъ въ себѣ вообще нерѣдко много сбивчивыхъ и даже невѣрныхъ показаній. Въ одномъ изъ этихъ извѣстій авторъ, оспаривая сужденія Фарнгагена и М. А. Дмитріева о смерти Верещагина, говоритъ, что *эта жертва принесена Гр. Ростопчинымъ единственно для личнаго спасенія,*

въ самой рѣшительный моментъ отъ этой буйной, стоявшей лицомъ-къ-лицу черни и пр. (стр. 253). Тутъ-же несчастный Верещагинъ названъ *юнымъ мученикомъ* и прибавлено, *что настаетъ пора, когда безпристрастный судъ исторіи, произнося свой приговоръ о личности и бывшихъ сильныхъ міра и братій малыхъ, воздастъ коемуждо по дѣломъ его.* (Дѣло о Верещагинѣ и Мѣшковѣ. стр. 258.).

Начнемъ съ того, что мученикомъ обыкновенно называемъ мы человѣка, который претерпѣваетъ и погибаетъ за правое дѣло. Какова ни была-бы участь Верещагина, нельзя признать, что пострадалъ онъ за правое дѣло; и слѣдовательно, безпристрастному суду исторіи нечего входить здѣсь въ личности сильныхъ міра и братій малыхъ. Къ тому-же, не должно позабывать, что *юный мученикъ* и одинъ изъ *братій малыхъ*, о коемъ идетъ рѣчь, былъ впослѣдствіи законно признанъ государственнымъ измѣнникомъ и приговоренъ къ тому, чтобы „заклепавъ въ кандалы, сослать его въ Нерчинскъ, вѣчно на каторжную работу“.

Нельзя такъ вольно и произвольно обращаться съ исторіей и вносить свои догадки въ число положительныхъ указаній или истинъ. Самая смерть Верещагина могла пасть скорбнымъ и тя-

гостнымъ воспоминаніемъ на Ростопчина. Не нужно еще отъ себя прибавлять къ тому малодушное, позорное и даже преступное побужденіе. Многіе въ то время и—откровенно сознаюсь—въ числѣ непослѣднихъ и я, осуждали сей поступокъ Ростопчина. Но никому изъ насъ не приходило въ мысль отнести сей поступокъ къ его трусости, или чув ству самохраненія. Мы всѣ знали, что Московскій Главнокомандующій могъ 20 разъ въ день выѣхать изъ города, не подвергая себя нареканію или насильственнымъ нападеніямъ черни, которая впрочемъ, никогда и не помыслила-бы напасть на него. Ростопчинъ въ афишахъ своихъ увѣрялъ народъ, что *злодѣй въ Москву не будетъ:* но онъ тутъ только подтверждалъ завѣренія самого Кутузова. Во всякомъ случаѣ ни тотъ, ни другой не обманывали народъ умышленно, а развѣ обманывали они сами себя.

Позднѣе мнѣ самому случалось нерѣдко слышать отъ *очевидцевъ*, или причислявшихся къ очевидцамъ, подробные разсказы о смерти Верещагина. Но разнорѣчивые и, нерѣдко, противорѣчивые разсказы о томъ не оставили во мнѣ убѣжденія о достовѣрности подробностей всего происшествія. Очныя ставки и свидѣтельства, дѣланныя подъ присягою, въ законныхъ слѣдствіяхъ, доказываютъ

намъ, различіемъ указаній, что и сами очевидцы нерѣдко смотрятъ совершенно различно на одно и то-же дѣло.

По моимъ личнымъ воспоминаніямъ и внутреннему убѣжденію, прихожу къ слѣдующему заключенію: Гр. Ростопчинъ виновенъ тѣмъ, что онъ превысилъ и во зло употребилъ власть свою и поступилъ внѣ закона, предавъ Верещагина расправѣ черни, а не окончательному приговору законнаго суда. Законность такое святое дѣло, что ни въ какомъ случаѣ нарушать ее не слѣдуетъ. Законъ долженъ быть охраной частной личности и общества—равно въ мирное, какъ и въ смутное время. Чрезвычайныя обстоятельства могутъ вынудить потребность временныхъ и чрезвычайныхъ законовъ, провозглашаемыхъ государственною властью. Въ настоящемъ случаѣ этого не было. Но въ поступкѣ Ростопчина ничего не было преднамѣреннаго, обдуманнаго и—тѣмъ болѣе—не было удовлетворенія личныхъ выгодъ. Нисколько не сравнивая одного поступка съ другимъ, скажу, что Ростопчинъ въ минуту велпкой скорби, великаго раздраженія, предалъ Верещагина на жертву народу, какъ послѣ предалъ онъ огню свой домъ въ селѣ Воронові. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ онъ не приносилъ никакой пользы общественному дѣлу. Существеннаго

вреда непріятелю онъ также этимъ не наносилъ. Но въ нравственномъ, или политическомъ отношеніи могло побудить его желаніе тѣмъ и другимъ дѣйствіемъ озадачить и напугать непріятеля. Въ этомъ соображеніи можно согласиться съ Фарнгагеномъ, что Гр. Ростопчинъ принесъ Верещагина въ жертву для *усиленія народнаго негодованія*. А вмѣстѣ съ тѣмъ онъ давалъ Наполеону и французамъ какъ-будто предчувствіе того ожесточенія, съ которымъ будутъ встрѣчены они въ *гостепріимной* Москвѣ. Когда одно подозрѣніе въ измѣнѣ законному Государю и Отечеству и въ сочувствіи къ непріятелю могло побудить народъ на такое дѣло, то непріятель могъ ясно постигнуть народное чувство и дальнѣйшія послѣдствія его. Такое предположеніе подкрѣпляется и тѣмъ, что Ростопчинъ избавилъ отъ казни француза Moulon, который могъ ожидать той-же участи. Если предполагать, что Ростопчинъ приготовилъ эту трагическую сцену *ради личнаго спасенія своего*, то, разумѣется, для выиграніе времени и бо̀льшаго развлеченія народа, онъ долженъ былъ бы и другую жертву предать черни. Но вмѣсто того онъ отпустилъ его, говоря ему: „Поди, разскажи твоему царю, какъ наказываютъ у насъ измѣнниковъ“.

Въ этихъ словахъ едва-ли не заключается разгадка и объясненіе поступка Ростопчина.

Князь Вяземскій.

Царское Село
Сентябрь 1868 г.